институты обеспечивают координацию действий членов общества, потому что все подчинено принятым правилам игры. Однако между правилами игры, подсистемами и нормами возможны рассогласования и конфликты. Поэтому их корректировка, как отмечают современные последователи неоинституционализма, осуществляется в сфере корпоративной саморегуляции. Это значит, что граница между формальным и неформальным становится очень зыбкой и зависимой от корпоративной саморегуляции. Руководство компаний постоянно сталкивается с несовершенством формальных институтов. Присутствуют риски при разрешении разного рода тупиковых ситуаций, при принятии политических решений и актов ненормативного характера и прочее [3].

Примечательно, что именно Д. Норт подчеркивал значимую роль неформальных правил. Он писал: «Мы, живущие в современном западном мире, считаем, что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [4].

Неформальное (альтернативное, оппортунистическое или партикулярное) поведение индивида предполагает особый тип мышления и функционирования. Характерно, что, если формальные нормы учреждаются полномочными органами, то неформальные правила не имеют конкретных «авторов». В неформальных отношениях присутствует установка на игнорирование письменных и формально зафиксированных условий договоренностей, значимы правила корпоративной или сословной чести, устои, обычаи и т. п. Дело в том, что в неформальной среде круг допустимых поступков также очерчен и связан с такой характеристикой, как координируемость. Считается, что неформальные стереотипы, глубоко укоренившиеся в сознании, являются весьма устойчивыми, медленно и с трудом поддаются изменениям и характеризуются как рутинные.

В завершение можно обозначить ряд моделей соотношения формального и неформального как фактора ценностной трансформации. В первой из них в качестве ядра выступает формальная норма, которая окружена многообразными конфигурациями неформальных правил. В другой – вершину составляют формальные правила, средний пласт – неформальные акции, а основание упирается в культурные традиции, обычаи и ценности. В трехуровневой модели в качестве верхнего уровня берется институциональная среда, в качестве среднего – вся совокупность норм и соглашений, в качестве низшего слоя – сам индивид, активность которого и является движущей силой всех преобразований.

Неформальная активность является одним из факторов, влияющих на конфигурацию ценностных конструкций, и возникает как ответ на ценностную неопределенность.

Литература

1. *Лисин В.С.* Институциональные аспекты экономических реформ в России. Монография. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Высш. шк., 2000.
2. *Олейник А.Н.* Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход. М.: Изд-во Магистр, 1997.
3. *Осипенко О.* Формирование институтов корпоративной сферы: российский опыт//Российский экономический журнал. М., 2005. № 4.
4. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Пётр СПОРЫШЕВ

аспирант кафедры информационного обеспечения внешней политики России факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник Консульской службы МИД РФ

Международно-политическое значение миграции в современном мире определяется не только и даже не столько интенсивностью и направленностью миграционных перемещений, сколько качественными характеристиками тех социальных, экономических, культурных, политических взаимодействий, в которые включаются иммигранты в стране пребывания и которые в конечном счете определят лицо завтрашнего глобального социума. От того, как протекает интеграция мигрантов к принимающему социуму, зависит не только диаспоральная устойчивость, но и образование новых диаспор. А это, в свою очередь, во многом определяется теми концептуальными подходами, которые лежат в основе иммиграционной политики принимающих государств.

До последнего времени взаимоотношения между иммигрантскими диаспорами и коренным населением большинства развитых стран Европы и Америки определял принцип культурного плюрализма, или мультикультурализма. Однако уже в рамках этой единой официальной платформы наблюдались разные подходы к проблеме интеграции иммигрантов. Некоторые страны, такие как Франция и ФРГ, несмотря на официально провозглашенный мультикультурализм, пытались проводить достаточно жесткую ассимиляционную политику (под негласным лозунгом «ассимилируйтесь или возвращайтесь»), между тем северные страны – Дания, Швеция, Нидерланды проводили принципы мультикультурализма по отношению к иммигрантским диаспорам более последовательно. В.Л. Иноземцев отмечает, что, хотя исторические тенденции развития иммиграции в европейские страны весьма сходны с американскими, тем не менее, есть и принципиальные различия: «Активному притоку переселенцев из стран «третьего» мира, начавшемуся в 50-е годы, не предшествовал период ассимиляции представителей национальных групп, культурно, исторически и религиозно близких западноевропейцам» [1]. Констатируя существенное отличие Европы от Соединенных Штатов в отношении к современным проблемам миграции, ученый указывает, что «США сформировались как союз свободных людей, объединенных определенной целью; напротив, европейские нации-государства сложились на базе исторической традиции, общности происхождения и территории» [1, с.35]. Поэтому, если американская культура открыта для интеграции в нее новых элементов, то европейцы, наоборот, дорожат каждым элементом своей культуры и стремятся к сохранению ее оригинальности [1].

Однако парадоксальность ситуации состоит в следующем. При том что европейские страны в значительно меньшей степени скованы идеологическими препятствиями к ограничению иммиграции, чем такие традиционно «иммигрантские» страны, как США и Канада, европейские политики долгое время опасались критики слева и справа и не осмеливались публично обсуждать плюсы и минусы иммиг-

рации. С другой стороны, американская национальная идеология, в рамках которой национальная идентичность определяется не этнокультурной принадлежностью, а приверженностью американским идеалам демократии, не приемлет принципиального ограничения иммиграции. Поэтому в США проблема интеграции иммигрантов интенсивно дискутируется, но при этом, по меткому замечанию Д. Д'Соузы, приходится слышать «много разговоров о расизме» на фоне почти полного отсутствия его проявлений в реальной жизни [2, с.193]. В Европе в этом отношении все обстоит диаметрально противоположным образом: реальная существующая проблема расизма европейскими политиками долго замалчивалась.

Неоднозначные результаты политики мультикультурализма в Европе начали осознаваться на рубеже XX и XXI вв. Так, Я. Алибай-Браун в интервью газете «Дэйли Телеграф» от 23 мая 2000 г. «Почему мультикультурализм провалился?» высказывала взгляды, резко противоположные тем, которые она высказывала в своей же монографии 1999 г. «Истинные цвета» [3]. На новом этапе стало очевидным, что мультикультурализм противопоставляет одни существующие этнические сообщества другим, «белые граждане не видят смысла для себя в мультикультурализме <…> Англичане раздражены тем, что их этничности не уделяется внимания, она практически игнорируется, тогда как другие идентичности – уэльсцы, шотландцы, хинди и т. п. – приветствуются и развиваются» [4].

В начале XXI века это раздражение начало выливаться в протестные действия, в том числе насильственного характера (вспомним события в Олдхэме в мае 2001 г. или в Нидерландах в 2002–2004 гг.). Уже тогда некоторые политики, ученые, общественные деятели заявляли, что «чересчур толерантная» интеграционная политика правительства по отношению к иммигрантским диаспорам рано или поздно приведет к краху [5]. В 2002 г. К. Малик, автор известной в Британии книги «Смысл расы», писал, что хотя мультикультурализм как форма социальной регуляции и заслуживает поддержки, но в качестве государственной идеологии он не эффективен, процесс создания общества равных возможностей под флагом идеологического мультикультурализма не реализуется на практике [6].

Итак, в начале первого десятилетия XX века критика мультикультурализма в странах Западной Европы звучала главным образом из уст оппозиционных политиков и маргинальных деятелей культуры, а также отдельных личностей, не принадлежащих к политическому истеблишменту. Но постепенно эта критика стала приобретать все более авторитетную базу.

Осенью 2010 г. о провале политики мультикультурализма говорили бывшие премьер-министры Австралии и Испании Джон Ховард и Хосе-Мария Аснар. В августе 2010 г. в Германии была опубликована книга бывшего члена правления Бундесбанка, члена Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Тило Саррацина «Германия – самоликвидация, или как мы ставим нашу страну на карту» («Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen»), в которой говорится, что рост числа иммигрантов, которые не воспринимают немецкую культуру и не стремятся интегрироваться в немецкое общество, ведет к упадку Германии [7].

Выход книги Т. Саррацина был воспринят либеральной общественостью как скандал. Однако спустя всего несколько месяцев заявления о провале политики мультикультурализма зазвучали уже открыто на самом высоком государственном уровне, из уст ряда глав государств и членов правительств ведущих западно-европейских стран. Так, президент Франции Николя Саркози 10 февраля 2011 г. в телеинтервью прямо назвал политику мультикультурализма неудачной: «Конечно, мы все должны уважать различия, но …если ты приезжаешь жить во Францию, то должен согласиться на то, чтобы раствориться, как в плавильном котле, в едином обществе, а именно в национальном обществе, а если ты не хочешь принимать этого, то не сможешь быть желанным гостем во Франции» [8].

Несколькими днями ранее с аналогичным заявлением публично выступил премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. С трибуны конференции по безопасности он заявил о провале политики мультикультурализма, сказав буквально следующее: «Политика мультикультурности нас подвела. Толерантность, основанная на невмешательстве в дела тех, кто отвергает западные ценности, себя не оправдала. Необходимо перейти к мускулистому либерализму, при котором национальная идентичность формируется за счет демократии, равных прав, главенства закона и свободы слова» [8]. В своем выступлении премьер-министр резко негативно отозвался о формировании в Великобритании изолированных национальных общин, не желающих интегрироваться в британское общество.

Еще раньше, в октябре 2010 г., полный провал попыток построить мультикультурное общество в своей стране признала Канцлер Германии Ангела Меркель. Признавая нехватку рабочей силы в Германии, Она вместе с тем отметила, что к иммигрантам следует обращаться лишь тогда, когда приняты все необходимые меры для повышения квалификации и трудоустройства немецких граждан.

Таким образом, мультикультурализм как принцип государственной политики по отношению к иммигрантским диаспорам обнаружил свою внутреннюю противоречивость, и есть все основания предполагать, что он будет полностью снят с вооружения правительствами европейских стран. Стало очевидным, что последовательная реализация этого принципа во внутренней политике государства ведет к культурной изоляции тех диаспор, которые в силу своих ментальных установок, обусловленных этнокультурными и религиозно-мировоззренческими характеристиками, склонны к такой изоляции. При определенных условиях (что и наблюдается сегодня в странах Западной Европы) такая изоляция перерастает в психологическое и идеологическое противостояние между диаспорой и принимающим социумом, от которого недалеко до противостояния политического. Такие иммигрантские диаспоры способны стать источником политической и социальной нестабильности в принимающей стране.

При развитии данного сценария возможность конструктивного участия диаспоры в политической жизни принимающей страны сводится практически к нулю. Тем самым «обнуляются» и показатели возможностей использования такой диаспоры во внешней политике страны исхода.

Последние события международной жизни указывают на то, что в государственной иммиграционной политике наиболее развитых капиталистических стран Западной Европы ожидается решительный поворот от политики мультикультурализма к политике, преследующей цель более глубокой интеграции иммигрантов в принимающее общество. На нынешнем этапе эта политика пока не оформилась в конкретные концептуальные, программные и правовые формы, хотя отдельные симптомы изменений, появляющиеся, в частности, в сфере образования и защиты прав ребенка, использования религиозных символов и др., очевидны уже сейчас. Выразится ли этот поворот в возвращении к концепции «плавильного котла», или он проявит себя в политике «закрытых дверей» (принципиальном и массированном противодействии иммиграции), пока с определенностью сказать нельзя.

Итак, основным источником формирования диаспор в современном мире является миграция. Миграционные процессы обусловлены как политическими, так и экономическими факторами. Если первая половина 90-х годов характеризовалась повышенным влиянием политических факторов миграции, то в последующий период преобладали экономические и социокультурные.

В этих условиях определяющими аспектами образования и существования диаспор становятся характеристики самих диаспор, и в первую очередь те основные ценности, которые выступают в качестве интегрирующей основы диаспорального сообщества.

Литература

1. *Иноземцев В.Л.* Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. № 6.
2. *D'Souza D.* What's So Great About America. Washington (DC): Regnery Publishing Inc., 2002.
3. *Alibhai-Brown Y.* True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government. London: Institute for Public Policy Research, 1999.
4. Daily Telegraph, 23 May, 2000 / Цит. по: *Антонова В.К.* Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2.
5. *Немировский Б.* Голландия: под руинами карточного домика // Информационное агентство «Росбалт» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosbalt.ru/2004/11/11/184742.html
6. *Malik K.* Can Multiculturalism Work? The paper presented at the Attention Seeking: Multiculturalism and the Politics of Recognition: Institut francais. London. 16 November, 2002. P.98.
7. Лента.Ру [Электронный ресурс]. URL: http://lenta.ru/news/2010/08/25/abschaffen/
8. REGIONS.RU/Новости Федерации [Электронный ресурс]. http://www.regions.ru/news/2338158/; http://www.regions.ru/news/2339369.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ

Ильяс КИКИЧЕВ
аспирант кафедры социологии РАГС

Процесс глобализации весьма неоднозначно влияет на современное общемировое социокультурное пространство. Одним из факторов этого влияния становится формирование массового общества, а следовательно, и массовой культуры, чему способствовало развитие средств массовой информации. Многие культурные ценности стали товаром конвейерного производства.

В условиях набирающей обороты глобализации границы национальных культур становятся более размытыми. Это неизбежно во взаимосвязанном мире: «Унифицированность миллионов людей планеты, принадлежащих к самым разным слоям населения, формируется миром однообразия массовой культуры, которая распадается на бесконечное множество фрагментов, не принадлежащих единой системе ценностей» [1].

Давление глобализации ныне остро испытывают традиционные ценности российской культуры. При этом резко обострились социокультурные противоречия между факторами устойчивости и факторами развития, обновления. В «борьбе» противоречий можно выделить две группы тенденций: первая – тенденции, основанные на принятии традиционных социокультурных моделей поведения, общепризнанных духовных и материальных ценностей культуры; вторая – усиление отрицания традиций, преимущественная ориентация на западные образцы, нормы и модели социокультурного поведения, в крайней форме – вестернизация и американизация современного социокультурного пространства России. Преодоление и смягчение разнополюсного характера этих групп тенденций является, на наш взгляд, насущной проблемой государственной культурной политики.

В Послании Президента Д. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации (2009 г.) поставлена задача беречь единое культурное пространство страны во всем его многообразии, помогать сохранению богатых национальных традиций народов России. В то же время во всех сферах культурной жизни необходимо поддерживать и поощрять дух новаторства, заботиться о тех, кто ищет новые пути в художественном творчестве, в искусстве [2].

О необходимости сохранения и развития единого культурного и информационного пространства России, многонационального культурного наследия ее народов говорится и в «Основных направлениях государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года», в плане действий по их реализации (http://mkrf.ru/).

Предусматривается комплекс мероприятий, обеспечивающих конституционные права граждан на доступ к культурным ценностям, пользование учреждениями культуры и создание условий для повышения качества жизни населения. Базовым элементом государственной культурной политики России определено сохранение традиционной народной культуры как самой массовой формы культурной деятельности. В плане международного сотрудничества приоритетным является комплекс мер по дальнейшей интеграции России в мировой культурный процесс, в том числе сотрудничество Министерства культуры с Росзарубежцентром при Министерстве иностранных дел Российской Федерации. Основой этого направления станут подготовка и реализация международных проектов в сфере культуры, способствующих росту престижа российской культуры, формированию позитивного образа России за рубежом. Государство будет активно осуществлять продвижение классического и национального искусства народов России в форме гастролей, конкурсов, выставок, фестивалей и стажировок за рубежом.

Реализация приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры к 2020 г. должна создать условия, обеспечивающие равный и свободный доступ населения ко всему спектру культурных благ и услуг, раскрыть духовный потенциал россиянина, оптимизировать и модернизировать сеть государственных и муниципальных учреждений культуры, активизировать интеграцию России в мировой культурный процесс. Однако решение данных задач в ближайшей перспективе представляется весьма проблематичным.

В последние годы сфера культуры находится в жестких рамках рыночных отношений, что существенно и во многом негативно сказывается на ее состоянии. Резко снизились (и в процентном, и в абсолютном значении) бюджетные вложения в культуру. Большинство принятых органами власти нормативных актов, регулирующих отношения в сфере культуры, так и «пылятся» на полках чиновников. Творческие работники и культура в целом оказались в весьма бедственном положении. Многие культурные учреждения вынуждены заменять бесплатные формы работы на платные. А общество, в свою очередь, посещение культурных заведений меняет на домашние формы культурного досуга, посредством телевидения и Интернета, далеко не всегда отвечающих критериям высокой духовности и культуры.

По данным опросов ВЦИОМ за 2009 г., почти половина россиян практически не посещает театр (49%), а 29% никогда в них не были [3].

Особого внимания требует молодежное направление государственной культурной политики. Молодежь как социальная группа является наиболее активным агентом социокультурных перемен, выступая в качестве «приемника» и проводника социальных ин-